

Первая публикация: // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы X Всероссийской научной конференции. М. 2002. С. 18-38

В.А. Бессонов

Численность военнопленных 1812 года в России

[18] Одним из малоизученных и спорных вопросов, относящихся к пребыванию военнопленных в России, является определение общего числа пленных, взятых в ходе Отечественной войны 1812 года, которое оценивается в диапазоне от 100 до 200 тыс. человек. Так, например, М.И. Кутузов в письме от 16 декабря 1812 г. (все даты приводятся по старому стилю) к своей дочери Е. М. Хитрово замечал: «Наполеон вошел с 480000, а вывел около 20000, оставив нам не менее 150000 пленных и 850 пушек»¹. Анализ публиковавшихся в официальных изданиях документов, содержащих информацию о ведении боевых действий, позволяет сделать вывод, что в 1812 г. было взято в плен примерно 38 генералов, 2646 офицеров и 173725 нижних чинов². Некоторые исследователи приводили свои цифры военнопленных, как правило, не указывая источники и методы подсчетов. Д.П. Бутурлин показывал число пленных в 48 генералов, 3800 офицеров и более 190 тыс. нижних чинов³. В «Истории XIX в.» Э. Лависса и А. Рамбо о потерях Великой армии говорилось: «Около 50000 дезертировали в самом начале кампании. Около 130000 остались в плену в России»⁴. В своей книге «Наполеон» Е.В. Тарле писал, что «в плену оказалось по самым оптимистическим расчетам, не больше 100 тысяч человек»⁵. М. Кукель, анализируя численность Великой армии и ее потери в 1812 г., полагал, что численность военнопленных могла достигать 150 тыс. человек, из которых многие умерли от болезней и холода. При этом он соглашался с С. Остен-Сакеном, что цифра в 100 тыс. пленных, переживших первые недели плена, не кажется слишком низкой⁶. В монографии «История военных потерь» Б.Ц. Урланис, опираясь на подсчеты Г. Бодара (100 тыс. пленных, 50 тыс. оставленных в госпиталях, 50 тыс. дезертиров), считал погибшими большую часть из оставшихся на территории России 200 тыс. человек, отмечая, что «некоторая часть солдат "великой армии" разбрелась по стране и позже либо осела в ней, либо в одиночку пробралась на родину»⁷. По В.Г. Сироткину, «общее число оказавшихся на 1 января 1813 г. пленных составило 1/3 численности Великой армии, или более 216 тыс.: из них 140-150 тыс. "организованных" (в лагерях) и 50-60 тыс. «неорганизованных» ("шерамыжников")»⁸.

Определению общей численности военнопленных посвятил свою научно-популярную работу М.Любавин⁹. Он опирался на дела, [19] сохранившиеся в фонде Собственной Его Императорского Величества канцелярии Российского государственного исторического архива (РГИА). В них содержатся статистические сведения о военнопленных, присланные в начале 1813 г. из регионов, и итоговые ведомости, составленные в 1814 г. об умерших, вернувшихся на родину и вступивших в российское подданство. Не подвергая весь комплекс документов критическому анализу, автор суммировал данные ведомостей 1814 г. (196975 человек), прибавил неучтенную численность умерших по некоторым губерниям (6 тыс.) и увеличил общее число на 8 тыс. пленных, находившихся, по его мнению, в Русско-немецком и Испано-португальском легионах, и получил примерную цифру в 211 тыс. человек. В своих расчетах М. Любавин сделал ряд необоснованных допущений. Он игнорировал факт отправления в Россию взятых в плен в период Заграничного похода неприятелей¹⁰, численность которых отразилась в итоговых ведомостях 1814 г. и повлияла на полученный им конечный результат. Подсчитывая количество умерших, М. Любавин сложил сведения, полученные из регионов, с данными, присланными из госпиталей, не приняв во внимание то обстоятельство, что пленные, умершие в госпиталях, также учитывались и в отчетах, доставленных с мест. Таким образом, сделанные автором расчеты не могут считаться обоснованными, а полученные им результаты не отражают реального числа пленных, взятых в ходе войны 1812 года. Вместе с тем обращение к отложившимся в РГИА отчетам, присланным из регионов в начале 1813 г. императору, позволяет получить более достоверные и точные сведения о численности

военнопленных.

Прежде чем приступить к анализу источников из фонда Собственной Его Императорского Величества канцелярии, необходимо выяснить систему организации получения статистических материалов о военнопленных, поступивших на имя императора.

В начале 1813 г. правительством были предприняты активные шаги по сбору данных о количестве пленных, умерших и оставшихся на жительстве в России после 1812 г. 29 декабря 1812 г. А. А. Аракчеев, возглавлявший Собственную Его Императорского Величества канцелярию, в отношении к главнокомандующему в Санкт - Петербурге и управляющему Министерством полиции С.К. Вязмитинову сообщил высочайшую волю о необходимости доставления сведений о количестве военнопленных. На основании требований императора было составлено циркулярное предписание от 4 января 1813 г., копию с которого Вязмитинов направил Аракчееву 5 января. При этом главнокомандующий в Санкт-Петербурге дополнительно представил текст распоряжения от 24 декабря 1812 г., в котором содержалось требование остановить все перемещения пленных на территории России¹¹.

[20] Циркуляр от 4 января 1813 г. был отправлен из Министерства полиции эстафетой губернаторам и правителям областей с требованием о доставлении к 20 февраля по прилагаемой форме на имя императора «точнейших сведений» о количестве военнопленных¹². В регионах должны были собрать данные о численности находившихся по 15 февраля 1813 г. на жительстве пленных, о количестве прошедших через губернию и умерших военнопленных. Приложенный к циркуляру образец ведомости отражал все запрашиваемые данные с разбивкой по чинам (генералы, штаб-офицеры, обер-офицеры, унтер-офицеры, нижние чины). Кроме того, предписывалось доставить отдельно именные списки генералов и офицеров.

5 января последовал новый циркуляр, в котором главнокомандующий в Санкт - Петербурге требовал сделать копии с ведомостей и списков, составленных для представления императору, и прислать их к нему, в Министерство полиции¹³.

8 января 1813 г. Аракчеев направил Вязмитинову новые, высочайше утвержденные правила, по которым следовало собирать сведения о военнопленных¹⁴. Исполняя повеление императора, главнокомандующий в Санкт-Петербурге разослал в регионы предписание от 16 января 1813 г. с требованием доставить данные о пленных по вновь утвержденной форме¹⁵. В распоряжении говорилось, что «форма сия будет уже отменю прежней, препровожденной мною к вам при предписании от 4 сего января». К предписанию прикладывалась вновь утвержденная ведомость, представлявшая собой таблицу, в которой по вертикали перечислялись пехотные, кавалерийские, артиллерийские рода войск и нестроевые чины, а по горизонтали — 19 европейских государств. При этом в ведомости не были отражены все национальные контингента Великой армии. В шести пунктах предписания Вязмитинов указывал, как нужно заполнять графы ведомости. Он требовал отличать конных карабинеров от пеших, саперов инженерного корпуса от мастеровых, нестроевых «различать по званиям» и «вообще наблюдать, чтобы пленные различаемы были не по нациям народным, а по нациям войск». К ведомости необходимо было приложить перечневый список унтер-офицеров и рядовых с указанием части, где они служили. Данные о генералах и офицерах не должны были вноситься в таблицу, где показывались только нижние чины, и о них требовалось представить именные списки с указанием места их службы. Кроме того, необходимо было доставить сведения о количестве умерших пленных с начала их появления по 15 февраля 1813 г.

В отношении к Вязмитинову от 12 января 1813 г. Аракчеев выразил беспокойство о точности исполнения нового повеления императора и высказывал опасение, что в составлявшихся на местах [21] отчетах могут быть несколько раз учтены одни и те же перемещавшиеся пленные. В своем ответе от 21 января 1813 г. Вязмитинов объяснял, что появление новой формы само собой отменяет прежнее распоряжение и поэтому все требуемые сведения должны будут доставляться на основании последнего предписания от 16 января 1813 г. Необоснованность опасений Аракчеева о двойном счете главнокомандующий в Санкт-Петербурге опровергал отсутствием

движения пленных в России. Такое положение, по мнению Вязмитинова, исключало возможность повторения сведений об одних и тех же пленных в разных регионах¹⁶.

Вместе с тем следует отметить, что остановка передвижения пленных, установленная предписанием от 24 декабря 1812 г., была нарушена распоряжением от 16 января 1813 г. об отправлении военнопленных пруссаков на родину¹⁷. Однако уже 28 января 1813 г. последовало новое предписание Вязмитинова¹⁸. В нем указывалось, что вопреки распоряжению от 24 декабря 1812 г. некоторые начальники регионов запрашивают разрешение на отправление выздоровевших пленных в назначенные им для жительства губернии. Поэтому Вязмитинов требовал, «дабы в точность вышеупомянутого циркулярного предписания, все пленные без изъятия оставлены были там, где повеление их настигнет, и отнюдь далее не были отправлены, впредь до особого по сему предмету предписания», предлагая начальникам регионов использовать этот статичный период для выполнения высочайшей воли по составлению отчетов о военнопленных.

Таким образом, двумя предписаниями об остановке пленных были созданы условия для максимально точного подсчета численности военнопленных, оказавшихся на территории России после окончания войны 1812 года. Согласно циркуляру от 16 января 1813 г., на имя императора должны были поступить подробные отчеты о численности оставшихся в России и общие цифры умерших военнопленных, хотя отказ от ведомости, прилагавшейся к предписанию от 4 января 1813 г., отменял доставление сведений о количестве проходивших через регионы пленных и о числе скончавшихся с разбивкой по чинам. Громоздкая форма новой ведомости, отсутствие в таблице ряда государств и частей Великой армии, а также требование различать национальность военнопленных по месту службы все-таки должны были вызвать на местах большие сложности и повлиять на точность заполнения отдельных граф.

Циркулярное предписание от 4 января 1813 г. было отправлено в 45 губерний и 2 области¹⁹. При этом не требовалось доставлять сведения о военнопленных из Финляндии, Кавказа, Грузии, Земли донских казаков и губерний, расположенных восточнее [22] Урала. В отношении Вязмитинова Аракчееву от 10 мая 1813 г. указывалось, что в Финляндии пленных нет, а в Землю донских казаков, Сибирь, Грузию и на Кавказ военнопленные не посылались на жительство, а были отправляемы только поляки²⁰. Что касается Тобольской губернии, то пленные поляки начали поступать туда только в середине 1813 г. На Кавказ и в Грузию военнопленные отправлялись на основании предписания от 22 октября 1812 г., но их препровождение было прекращено циркулярами от 24 декабря 1812 г. и 28 января 1813 г. Следовательно, некоторое число пленных поляков к началу 1813 г. уже было распределено по частям Кавказской и Грузинской линий, но доставление сведений о численности их на имя императора и в Министерство полиции не требовалось. Таким образом, при сборе правительством статистических данных в начале 1813 г. были запрошены практически все регионы, где оказались военнопленные 1812 года, за исключением Кавказа и Грузии, куда отправлялись поляки, переходившие в ведение Военного министерства.

Комплекс документов, составленных на имя императора по требованию правительства на местах, практически в полном объеме сохранился в РГИА, за исключением сведений о численности и составе пленных, находившихся в Гродненской губернии и Тернопольской области²¹. Все материалы, присланные из регионов в 1813 г., на сегодняшний день оказались сосредоточены в двух архивных делах, одно из которых разделено на две самостоятельные части. При этом на рассматриваемых документах сохранилась старая делопроизводственная нумерация от 3 до 423 листа, наличие которой позволяет предположить, что все они первоначально собирались и хранились в одном деле. Из отношения, отправленного 10 мая 1813 г. Вязмитиновым Аракчееву, следует, что сведения из Гродненской губернии не были доставлены не только на имя императора, но и в Министерство полиции. Основываясь на этом, можно предположить, что утраченные первые два листа первоначального дела о численности пленных содержали информацию о военнопленных, находившихся в Тернопольской области.

Все собранные на местах материалы посылались на имя императора с рапортами,

составленными в феврале-марте 1813 г. Содержание полученных из запрашиваемых регионов ответов отличалось по полноте и качеству собранных сведений. Таврический губернатор объявил, что на вверенной ему территории пленных нет и в губернию они не поступали. Из Владимирской губернии сообщили об отсутствии пленных, оставшихся на жительство. В Слободско-Украинской губернии находился лишь один генерал, а в Пензенской и Симбирской — только офицеры. В остальных случаях [23] из 39 губерний и одной области только 11 губерний (Волынская, Минская, Киевская, Курская, Херсонская, Астраханская, Новгородская, Оренбургская, Вятская, Тамбовская, Пермская) представили данные, соответствующие требованиям, заложенным в предписании от 16 января 1813 г. Отчеты из других регионов по форме и содержанию отличались от запрашиваемых правительством. В большинстве случаев в ведомость о численности пленных на 15 февраля вносились дополнительные графы с указанием отсутствующих там наций или расширялось деление по родам и частям войск (Архангельская, Санкт-Петербургская, Лифляндская, Курляндская, Псковская, Смоленская, Московская, Рязанская, Нижегородская, Костромская, Казанская, Саратовская, Воронежская, Орловская, Могилевская, Полтавская, Екатеринославская губернии и Белостокская область). В Виленской губернии была составлена своя, совершенно не похожая на присланную Вязмитиновым, ведомость, в которой была сохранена только общая структура расположения граф. Ярославский губернатор внес в ведомость не только нижних чинов, но и офицеров. В ряде случаев отсутствовали списки офицеров и нижних чинов (Эстляндская, Витебская, Подольская, Калужская, Воронежская, Казанская губернии). В Тверской губернии выполнили лишь предписание от 4 января 1813 г., заполнив прилагаемую к нему ведомость, форма которой была отменена последующим распоряжением. Только в мае из Твери были присланы требуемые в циркуляре от 16 января сведения. Из некоторых губерний (Лифляндская, Вологодская, Костромская, Олонецкая, Калужская, Черниговская) поступили дополнительные данные, запрашиваемые по ведомости, присланной с циркуляром от 4 января 1813 г. В произвольной форме были доставлены сведения из Тульской губернии.

Сложившееся положение было, вероятно, вызвано, с одной стороны, наличием двух различных предписаний правительства и невозможностью предусмотреть в них все возникавшие на местах при подсчете военнопленных вопросы, с другой стороны — некомпетентностью лиц, составлявших отчеты, не всегда оправданно сужавших или расширявших требуемую от них информацию, а также объективными причинами, связанными с временным ограничением, языковым барьером и тем, что многие пленные, находившиеся в начале 1813 г. на излечении в госпиталях и больницах, не могли самостоятельно сообщить требовавшиеся о них сведения.

Несмотря на отсутствие единообразия в присланных на имя императора материалах, в них содержится достаточно полная информация по всем вопросам, которые интересовали правительство и были изложены в предписании от 16 января 1813 г. Полученные сведения позволяют представить численность и состав [24] генералов, офицеров и нижних чинов, оценить количество умерших и определить имена генералов и офицеров, находившихся в плену в начале 1813 г. При этом данные о проходивших через губернии военнопленных представлены в меньшем объеме и не способны дать полную картину динамики движения в 1812 г. пленных по территории Российской империи.

При анализе документов следует учитывать разницу между военнопленными и дезертирами. Последние сознательно оставляли строй своей армии и сдавались противнику. Дезертиры имели особый статус, поэтому эту категорию военнслужащих необходимо рассматривать самостоятельно.

Для определения численности взятых в плен в период Отечественной войны представителей неприятельской армии требуется проанализировать сведения о количестве находившихся в начале 1813 г. в регионах и умерших там военнопленных. Сложение этих показателей может дать представление об общем числе взятых в ходе войны пленных.

Наиболее точными являются данные, полученные из губерний и областей о численности оставшихся там к началу 1813 г. военнопленных. Подсчет их велся по пленным, находившимся в

период общей остановки перемещения по территории регионов, и это обстоятельство позволяет считать полученные императором результаты наиболее близкими к действительному положению дел. Вместе с тем нельзя переоценивать достоверность этого показателя. Например, в Вятской губернии в ведомости о численности пленных на 15 февраля 1813 г. не нашли отражения сведения о национальности военнопленных (161 человек), которые находились в тяжелом состоянии в лазарете²². В Черниговской губернии данные, показанные в общей ведомости, не соответствовали сведениям о численности, представленной в перечневой ведомости²³. В присланных с мест документах встречаются и другие противоречия и несоответствия в цифрах. Следовательно, учитывая качество сбора информации и возможные канцелярские ошибки, можно утверждать, что собранные в регионах сведения дают возможность лишь оценить общее число военнопленных, оставшихся в России, а не получить абсолютно точный результат.

Сведения о пленных, умерших в регионах, составлялись на основе цифр, полученных от лиц, отвечавших за военнопленную часть на местах, из больниц и госпиталей. Указание на это встречается в рапортах из 15 губерний (Виленская, Курляндская, Эстляндская, Минская, Могилевская, Черниговская, Санкт-Петербургская, Ярославская, Тверская, Московская, Калужская, Тульская, Орловская, Вятская, Пермская) и Белостокской области, поэтому можно предположить, что методика сбора информации [25] была идентична для всех регионов. В большинстве случаев с мест поступали сведения об общей численности умерших военнопленных и не уточнялось, сколько умерло штаб- и обер-офицеров, нижних чинов, детей, женщин и дезертиров. Только в 30 губерниях была собрана информация о смертности среди разных категорий военнопленных. На качество представленных сведений оказало влияние, вероятно, то обстоятельство, что число умерших пленных, особенно в период движения партий, нельзя было установить с достаточной степенью точности. Принимая это во внимание, можно сделать вывод, что полученные императором данные о смертности военнопленных нельзя считать абсолютно достоверными и содержащуюся в них информацию можно использовать лишь в качестве примерного показателя потерь при проведении оценочного расчета общей численности военнопленных. Вместе с тем, несмотря на возможные неточности, представленная в донесениях с мест комплексная информация является наиболее полной и объективной по сравнению с другими известными источниками, характеризующими общую численность пленных в России.

Из 42 губерний (за исключением Таврической, где не было пленных, и Подольской, где располагались только дезертиры) и одной области, в которых находились пленные, исчерпывающие данные о количестве военнопленных были представлены императору из 30 губерний, а о численности умерших из 38 губерний и Белостокской области. В остальных случаях к сведениям о численности пленных добавлялись различные комментарии, поэтому для получения расчетных значений возникает необходимость в их дополнительном анализе.

Из Белостокской области вовремя не были доставлены сведения о военнопленных офицерах. Только в апреле 1813 г., по требованию Аракчеева, необходимый список был отправлен. В нем упоминалось 19 офицеров и медицинских чиновников²⁴. Из них 10 были присланы в Белосток из Вильны, вероятно, уже после февраля 1813 г. Поэтому можно предположить, что в начале 1813 г. в Белостокской области было только 9 обер-офицеров и приравненных к ним докторов.

В списках генералов и офицеров, направленных императору из Виленской губернии²⁵, отмечено, что вестфальский генерал барон К.-Х.-Э.-А. фон Борстель выехал в Петербург, а командир батальона Никола и переводчик Наполеона Нуально отправились в Киев. Таким образом, этих людей можно не учитывать по Виленской губернии, так как они, достигнув новых мест назначения, учтены в других отчетах²⁶. О нижних чинах от виленского губернатора были представлены две ведомости, на русском и французском [26] языках²⁷. При этом в первой ведомости было показано 2634 человека, а во второй — 2452. Можно предположить, что ведомость, составленная на русском языке, содержит более полную информацию, и принять указанную в ней цифру для расчета. К этому числу нижних чинов нужно добавить упоминаемых в особом списке²⁸ штаб-трубача Гвардейского конно-гренадерского полка, оставленного по

приказу цесаревича Константина Павловича в госпитале Кавалергардского полка, и музыканта, направленного в Главную квартиру. Других пленных музыкантов и коновалов, отправленных по повелению Константина Павловича в Петербург, можно не учитывать, предполагая, что к моменту составления отчетов они уже достигли столицы. Наименее полные сведения поступили из Виленской губернии об умерших. В представленном губернатором списке указаны только скончавшиеся в январе 1813 г. один генерал, 6 штаб-, 167 обер-офицер, 68 чиновников и 13 старших унтер-офицеров²⁹.

Витебский губернатор 15 февраля 1813 г. прислал сначала ведомость нижним чинам и сообщил сведения об офицерах, проходивших в партиях, и умерших пленных. 28 февраля 1813 г. он дополнительно направил именные списки состоящих налицо и умерших генералов и офицеров. При этом новые сведения отличались от уже присланных. Так, в примечании к ведомости было написано, что в губернии находится 6 генералов и 326 штаб- и обер-офицеров, а умерли - один генерал и 115 офицеров. В свою очередь в именных списках показано 6 генералов, 23 штаб- и 302 обер-офицера, оставшихся в губернии, и один генерал, 4 штаб- и 98 обер-офицеров умерших³⁰. Основываясь на том, что достоверность указанных при первом рапорте цифр ниже информации, содержащейся в списках, принимаем последние данные для расчета численности военнопленных.

Екатеринославский губернатор в списке офицеров указал, что по высочайшему повелению бригадному генералу Я. Конопке было разрешено выехать в январе в Петербург³¹. В документах из Санкт-Петербурга этот генерал уже показан прибывшим³², поэтому среди военнопленных Екатеринославской губернии его можно не учитывать.

Из Калужской губернии, помимо сведений о находившихся в плену и умерших, были представлены данные о 57 бежавших из-под стражи нижних чинов³³. Это число людей, бывших в плену, но в силу обстоятельств вышедших из-под присмотра властей, для точности расчета можно условно отнести к умершим.

В Курляндской губернии из пожелавших вступить в Русско-немецкий легион 13 пленных были отправлены в Ригу и 70 остались в Митаве, 41 человек получил билеты для самостоятельного [27] заработка средств, пруссаки (2 штаб-, 16 обер-офицеров и 764 нижних чина) возвратились в свое отечество³⁴. Этим, указанным сверх ведомостей и списков, пленных также необходимо учесть в расчетах, за исключением 13 человек, отправленных в Ригу, которые могли уже достичь пункта своего назначения и быть внесены в другие отчеты. Следовательно, численность военнопленных в Курляндской губернии принимаем в 2 штаб-, 40 обер-офицеров, 1466 нижних чинов.

В Курской губернии среди офицеров были показаны лазаретный писарь и четыре жандарма³⁵, которые, возможно, по сравнению с рядовыми, получали большие порционные деньги и поэтому оказались внесены в список. Эти пленные не имели соответствующих чинов, и было бы правильнее отнести их к нижним чинам, а не к офицерам.

В своих отчетах лифляндский губернатор дополнительно сообщал о 7 военнопленных офицерах и 30 нижних чинах (пруссаки), отправленных на родину, и 3 пленных, отданных на фабрику³⁶. Это число не отмеченных в ведомостях и списках пленных для полноты расчетов следует учесть среди военнопленных, находившихся в Лифляндской губернии. Кроме того, численность нижних чинов, показанная губернатором в ведомости и списке, различается на 10 человек (в ведомости — 781, в списке — 791)³⁷. Предполагая, что в ведомости эта цифра могла быть ошибочно исключена при переписывании документа и учитывая тот факт, что в итоговой графе первоначально стояло число 791, принимаем количество рядовых, указанное в списке.

В рапорте орловского губернатора от 5 марта 1813 г. содержатся дополнительные сведения об отправке 2 января 1813 г. в Петербург испанцев, англичан и вестфальцев (9 обер-офицеров, 197 нижних чинов и двух женщин)³⁸. 20 февраля 1813г. из Петербурга сообщалось, что в Царском Селе среди испанцев находятся только унтер-офицеры и рядовые³⁹. Поэтому можно предположить, что пленные из Орла к этому моменту не достигли пункта своего назначения и не

были учтены при подсчетах. Следовательно, отправленных из губернии людей можно прибавить к числу пленным, оставшихся в Орле. Сверх этого, необходимо учесть еще 15 военнопленных, пожелавших вступить в российскую службу и направленных в начавший формироваться в Орле легион.

Пермский губернатор в своем рапорте от 15 февраля 1813 г. писал о пяти пруссаках, отправленных 12 февраля в Ригу⁴⁰. Так как эти пленные покинули Пермь только за три дня до составления рапорта, то их можно учитывать в общем количестве пленным, оставшихся в губернии.

[28] По ведомости, присланной из Санкт-Петербурга, в губернии находилось 1356 нижних чинов⁴¹. В рапорте императору губернатор сообщал, что в разных ведомствах состояло 1396 рядовых: два — в ведении полицмейстера, 745 — в Нарве, 587 испанцев и португальцев — в Царском Селе, 62 — в ведении самого губернатора. Из последних 10 пруссаков были отправлены в Русско-немецкий легион, 26 испанцев и три португальца — в Царское Село и один пленный умер в больнице⁴². Именно эти 40 человек оказались не отражены в ведомости. Пруссаки, вероятно, потому, что покинули губернию, а испанцы и португальцы по причине отправки в Царское Село, где они должны были быть показаны среди находившихся там пленным. Учитывая то, что направленные в легион пленные не могли отразиться в других отчетах, принимаем численность военнопленных по Санкт-Петербургской губернии в 1366 нижних чинов. В заключении рапорта губернатор отмечал, что сведений об умерших по другим ведомствам он не получал, хотя об их присылке им было сообщено. В списке военнопленных генералов и офицеров указывалось, что 6 из 8 обер-офицеров поступили на российскую службу⁴³. Несмотря на это, они первоначально были в числе пленным, поэтому для расчета необходимо учесть их среди военнопленных офицеров.

Тверской губернатор, не выполнив в точности предписания, 4 марта 1813 г. представил на имя императора только ведомость, составленную по отмененной форме (предписание от 4 января 1813 г.) и именной список офицеров. По этим данным, в начале 1813 г. в губернии находилось 3 штаб-, 25 обер-офицеров, 2 доктора, 40 унтер-офицеров и 309 нижних чинов⁴⁴. Не получив требуемых ведомостей, Аракчеев обратился к главнокомандующему в Санкт-Петербурге с просьбой истребовать недостающие сведения. 13 мая 1813 г. тверской губернатор направил императору требуемые материалы, но показал уже численность пленным на 12 мая 1813 г.⁴⁵ К этому времени в губернии оставалось 2 штаб-, 22 обер-офицера, 153 нижних чина и 3 женщины. Остальные военнопленные — пруссаки и поляки — были отправлены в назначенные им места в соответствии с полученными предписаниями. Произошедшие в течение двух месяцев кардинальные изменения в количестве пленным заставляют использовать для вычисления данные, подготовленные тверским губернатором к началу марта 1813 г.

Тульский губернатор не представил требуемых по форме ведомостей и списков, а выслал только информацию об общей численности проходивших через губернию и умерших пленным, а также список лиц, оставшихся в губернии по болезни⁴⁶. Из этого списка следует, что в Туле, Белеве и Одоеве находилось два штаб-, 25 обер-офицеров и 41 нижний чин. Кроме того, показано, что в [29] Белевском госпитале скончалось два обер-офицера, смерть которых, вероятно, не нашла отражения в общих данных об умерших, так как указанный список следовал в конце присланной ведомости с пометкой «сверх того».

По Черниговской губернии при одном рапорте императору были представлены несколько вариантов численности военнопленных, оставшихся на жительстве. В ведомости о нижних чинах, составленной по форме циркуляра от 16 января 1813 г., было указано 526 человек, и в прибавлении к ней — еще 12 пленным; в список нижних чинов, где назывались места их службы, внесено 530 пленным и 7 женщин; в общей ведомости о численности военнопленных в губернии — 52 унтер-офицера и 478 рядовых⁴⁷. При этом данные по родам войск, указанные в списке, не совпадали с показаниями ведомости нижних чинов. Предполагая, что в ведомости, где отражались нации и рода войск нижних чинов, могли быть учтены и женщины, и учитывая

прибавленных дополнительно 12 военнопленных, принимаем для расчета по Черниговской губернии число пленных в 531 рядового и 7 женщин. В этом случае выбранное значение будет больше других данных на одного пленного.

Из Ярославской губернии императору была представлена ведомость, в которой вместе с нижними чинами были показаны еще генерал и офицеры⁴⁸. При анализе такого же совместного именного списка получилось, что в губернии находились: бригадный генерал М.И. фон Прейзинг-Моос, один штаб-, 19 обер-офицеров (в том числе доктора и чиновники), 22 нижних чина и одна женщина. Кроме того, ярославский губернатор указывал, что в его ведении оставались 72 человека, пожелавших служить в Русско-немецком легионе⁴⁹. Из них 46 пленных на момент составления рапорта уже выступили «по назначению», остальные продолжали находиться на месте до полного выздоровления. Можно предположить, что покинувшие Ярославль военнопленные не могли достичь еще пункта своего назначения и не были учтены в других статистических отчетах. На этом основании расчетная численность нижних чинов в Ярославской губернии увеличивается на 72 человека.

Как сообщал 22 июня 1813 г. подольский губернатор, в его ведение присылались только саксонские, польские и австрийские дезертиры, из которых в марте умер один человек и осталось 40⁵⁰. Следовательно, на февраль 1813 г. в Подольской губернии находился 41 дезертир.

Анализ присланных с мест на имя императора сведений позволил представить число оставшихся в живых и умерших пленных, а также дезертиров в 44 регионах (см. прил. 1, 2 в конце [30] статьи). По собранным данным получается, что к началу 1813 г. в 43 губерниях и области находилось 37 генералов, 190 штаб-, 3023 обер-офицера, 36158 нижних чинов, 50 женщин и 7 детей, а всего — 39465 военнопленных и 44 дезертира. Умерло к этому времени 53174 военнопленных. При этом в 30 губерниях, из которых были доставлены сведения о смертности среди разных категорий военнопленных, скончались два генерала, 49 штаб-, 581 обер-офицер, 43469 нижних чинов и одна женщина. Суммируя итоговые показатели численности живых и умерших пленных, получаем 92639 человек. Это значение показывает общее число представителей Великой армии, попавших в плен в период войны 1812 года, которые были учтены в феврале — марте 1813 г. в 45 из 47 запрашиваемых регионов. Вместе с тем установленная численность военнопленных требует дополнительного уточнения за счет пленных, не попавших в официальные отчеты, что позволит получить наиболее близкое к реальности число неприятельских солдат, оказавшихся в плену в ходе Отечественной войны.

В первую очередь следует учесть военнопленных, умерших в Санкт-Петербургской и Виленской губерниях, данные о которых не были представлены императору в полном объеме.

Для оценочного расчета по Петербургской губернии за численность скончавшихся пленных можно принять данные о смертности нижних чинов, приведенные в итоговой ведомости 1814 г. в графе «по донесениям госпиталей»⁵¹. Цифра в 429 человек, вероятно, включает в себя пленных, умерших после февраля 1813 г., но в силу своей незначительности она не может кардинальным образом повлиять на порядок при подсчете общего числа военнопленных.

Примерное число умерших в Виленской губернии пленных можно вычислить по другим источникам, допуская, что наиболее значительная часть военнопленных оставалась в самом городе Вильно. В опубликованной Ф.А. Кудринским ведомости о численности пленных с 1 по 8 января 1813 г. показано, что в Вильно находилось 9 генералов, 1443 офицера и 5947 нижних чинов, а умерли один генерал, 189 офицеров и 1167 нижних чинов⁵². Следовательно, на 1 января насчитывалось 7114 рядовых. Вычитая из этого числа учтенных по Виленской губернии 2636 человек, получаем, что к началу февраля, без учета отправленных из губернии пленных, могли умереть 4478 человек. Можно предположить, что не меньшее число военнопленных скончалось и в декабре 1812 г. Таким образом, получаем, что за два месяца погибло около 9000 нижних чинов. Эту цифру можно проверить, используя сведения из рапорта Кутузова императору от 2 декабря [31] 1812 г. В нем главнокомандующий указывал, что в Вильно находится 9517 нижних чинов и в госпиталях 5139 больных⁵³. Уменьшая эту численность на 3294 человека, которые были

отправлены находившимся в городе комендантом 1-й армии в период с 4 по 20 декабря 1812 г.⁵⁴, и вычитая оставшихся в живых к февралю 1813 г. 2636 человек, получаем 8726 пленных. Это возможное количество умерших военнопленных, без учета поступивших в город после 2 декабря 1812 г. и отправленных в начале 1813 г., близко по значению цифре, полученной в первом расчете. Таким образом, при вычислении по разным источникам численности скончавшихся в Вильно пленных получается примерно одинаковый результат — около 9000 человек. Прибавляя к этому числу удвоенное количество умерших в январе офицеров (цифра, отражающая примерное количество скончавшихся офицеров в декабре 1812 - январе 1813 гг.) и округляя полученное значение до тысячи (приближение за счет не учтенных по губернии пленных), принимаем общую смертность по Виленской губернии в 10 тыс. человек.

При определении общего числа военнопленных необходимо оценить численность пленных, находившихся в начале 1813 г. в Тернопольской области и Гродненской губернии, а также поляков, отправленных в Георгиевск, военнопленных, вступивших в Русско-немецкий легион и легион, сформировавшийся в Орле.

Основываясь на том, что не сохранившиеся в документах фонда Собственной Его Императорского Величества канцелярии первые два листа первоначального дела о численности пленных содержали информацию о военнопленных, находившихся в Тернопольской области, можно предположить отсутствие в присланных на имя императора сведениях полного перечня требуемых документов: ведомости и списков нижних чинов, офицеров и генералов. Из этого следует вывод, что количество военнопленных в этой области было незначительным и что при определении общей численности этими пленными можно пренебречь.

По отразившимся в ведомости 1814 г. сведениям из госпиталей известно, что в Гродненской губернии умерли один офицер и 1219 рядовых⁵⁵. Для получения примерного числа военнопленных, находившихся в начале 1813 г. в этой губернии, можно сделать допущение, что в Гродненской и Минской губерниях было схожее положение пленных и приблизительно одинаковое соотношение численности нижних чинов, умерших в госпиталях, и скончавшихся и оставшихся на жительство в губернии. Следовательно, если по донесениям губернатора в Минской губернии умерло и осталось на жительство 9870 рядовых и скончалось в госпиталях 4208 человек, то в Гродненской губернии могло быть около 2900 пленных, из которых умерло примерно 1900 человек.

[32] Распоряжение об отправлении поляков в Георгиевск последовало 22 октября 1812 г. Этот процесс был временно приостановлен циркулярами от 24 декабря 1812 г. и 28 января 1813 г. Хотя большая часть польских военнопленных в начале 1813 г. продолжала оставаться во внутренних губерниях России, некоторые из них к этому времени уже достигли Георгиевска и были распределены по полкам 19-й и 20-й дивизий, располагавшихся на Кавказе и в Грузии. Для определения их примерной численности необходимо проанализировать имеющиеся в нашем распоряжении статистические сведения. По донесениям с мест, к началу 1813 г. (сведения по Тверской губернии относятся к 12 мая 1813 г.) в губерниях и Белостокской области находилось 9569 нижних чинов польской нации. Из этого числа в Ишим для распределения на Сибирской линии должны были отправиться поляки из Оренбургской, Пермской, Вятской и Псковской губерний, всего 926 человек⁵⁶. Следовательно, для отправления на Кавказ и в Грузию оставалось 8643 пленных. 7 апреля 1814 г. была составлена «Ведомость о числе военнопленных поляков, распределенных в войска на Кавказской линии и в Грузии находящихся, и в военно-рабочие по инженерным командам и к укреплению берегов р. Терек», в которой содержались сведения о 8963 поляках⁵⁷. Допуская, что все поляки, показанные в донесениях из регионов, за исключением отправленных в Сибирь, к весне 1814 г. уже прибыли в назначенные им места, получаем разницу в 320 человек. Это значение характеризует минимальное количество поляков, находившихся к началу 1813 г. на Кавказе и в Грузии. Вместе с тем известно, что в начале марта 1813 г. в Георгиевск прибыли две партии пленных (одна из Саратова) общей численностью в 647 нижних чинов⁵⁸. Число этих поляков, отправленных, вероятно, до получения распоряжений об остановке

движения военнопленных, не нашло отражения ни в одном из документов, доставленных с мест императору. Таким образом, численность поляков, присланных в Георгиевск к началу 1813 г. и не зафиксированных в отчетной документации регионов, может быть оценена примерно в 1000 человек.

Помимо поляков, в присланные императору отчеты не попали военнопленные, вступившие в Русско-немецкий легион, который начал формироваться в Ревеле. В октябре 1812 г. поступившие в него добровольцы были переведены на побережье Финляндии, а оттуда в начале 1813 г. направлены к границам Восточной Пруссии. По данным на 13 апреля 1813 г., в легионе находилось 4244 офицеров и рядовых⁵⁹. Для определения приблизительного числа военнопленных, пожелавших служить в Русско-немецком легионе, возможно использование сведений о численности и динамике [33] движения пленных в Эстляндской губернии. По данным губернатора, на вверенной ему территории было всего 3336 военнопленных, из которых 33 человека умерло и 81 остался на жительство⁶⁰. Предполагая, что большая часть из общего числа пленных вступила в легион и была отправлена в Финляндию, принимаем эту цифру примерно в 3 тыс. человек.

Для расчета общего числа военнопленных необходимо учесть и количество военнослужащих, вступивших в легион, формировавшийся из французов, итальянцев и голландцев в Орле. По сведениям, присланным Аракчееву от начальника легиона К.М. Герздорфа, на 1 мая 1813 г. в его ведении находилось 27 офицеров (один по болезни в Минске) и 298 нижних чинов⁶¹. Из числа последних 24 человека были учтены в донесении императору орловского губернатора. Не имея сведений о динамике поступления пленных в легион и учитывая незначительную численность этого формирования, для расчета общего числа пленных принимаем цифру в 26 офицеров и 274 рядовых.

Кроме военнопленных, учтенных военными и гражданскими органами на территории России, существовала еще одна категория пленных, к которой относились те, «кто отстал при отступлении Великой армии к Березине и разбрелся по русским деревням и дворянским поместьям, ища защиты от холода и голода»⁶². Точную численность таких пленных, в силу их особого положения, определить трудно. В центральных и восточных губерниях России местные органы власти максимально ограничивали перемещения военнопленных и с особым вниманием следили за соблюдением всех требований правительства, не позволяя пленным, без особого разрешения, жить у частных лиц. В западных губерниях и областях местное население относилось к пленным более лояльно и оказывало им помощь, скрывая от властей. Но и в этих регионах такие поступки не были массовыми, о чем можно судить по Минской губернии. 1 июня 1813 г. главнокомандующий армиями Барклай де Толли сообщил минскому военному губернатору о высочайшем соизволении предавать вместо гражданского военному суду всех людей, замеченных в укрывательстве оружия и военнопленных⁶³. На основании этого распоряжения с августа 1813 г. по февраль 1814 г. было взято под стражу для предания военному суду 29 человек, из них 19 за укрывательство военнопленных, четверо за содействие к побегу пленным, четверо за вредные разглашения и двое за сокрытие оружия⁶⁴. При этом 13 человек обвинялись в укрывательстве и помощи при побеге только 9 пленным. Остальные 10 - в тех же действиях относительно шести групп военнопленных, количество которых не указано, но маловероятно, чтобы оно составляло крупную [34] цифру. Таким образом, можно сделать вывод, что численность «неорганизованных» пленных не была значительной и, вероятно, не превышала по всей России нескольких сотен человек. Такое количество пленных не может оказать существенного влияния на порядок при подсчете общей численности военнопленных, поэтому им можно пренебречь.

Учитывая количество военнопленных, не отразившееся в документах, присланных из 45 регионов, получаем, что общую численность взятых в плен представителей Великой армии в период Отечественной войны 1812 года можно оценить в 110 тыс. человек, из которых к началу 1813 г. умерло более 60 тыс. пленных (см. прил. 3). Таким образом, из 560 тыс. представителей Великой армии, перешедших границу России в ходе Отечественной войны 1812 года⁶⁵, примерно 1/5 часть оказалась в плену, а уже к началу 1813 г. умерло больше половины военнопленных.

Полученный в ходе оценочного расчета результат не является абсолютно точным в силу особенности присланных с мест в начале 1813 г. отчетов и отсутствия достаточной информации о числе военнопленных в ряде регионов (умершие в Виленской и Санкт-Петербургской губерниях, пленные в Тернопольской области, Гродненской, Кавказской и Грузинской губерниях), Русско-немецком и Орловском легионах (данные о легионе, формировавшемся из испанцев и португальцев, отразились в отчете Санкт-Петербургского губернатора, а о легионе, формировавшемся подполковником Дибичем, — в отчете Витебского губернатора). Вместе с тем, учитывая то обстоятельство, что в начале 1813 г., когда не происходило массового отправления пленных, органы местной власти были способны представить максимально полные и точные сведения, полученную на основе этих данных численность в 110 тыс. человек можно считать наиболее близкой к действительности и отражающей порядок взятых в плен представителей Великой армии в ходе Отечественной войны 1812 года.

[35] Приложение 1

Численность военнопленных, находившихся по 15 февраля 1813 г. в 44 регионах России

Губерния	Генералы	Штаб-офицеры	Обер-офицеры	Нижние чины	Женщины	Дети	Всего	Дезертиры
Архангельская			22	511			533	
Астраханская	2	3	24	477			506	
Белостокская обл.			9	503			512	
Виленская	5	59	972	2636			3672	
Витебская	6	23	302	2803			3134	
Владимирская							0	
Вологодская			6	81			87	
Волынская			19	909			928	
Воронежская			4	281	4		289	
Вятская		2	19	1595			1616	
Екатеринославская		4	7	405			416	
Казанская			8	414			422	
Калужская			13	83	4	3	103	
Киевская	3	18	141	2446			2608	
Костромская		2	33	1031			1066	
Курляндская		2	40	1466			1508	
Курская		2	115	859			976	
Лифляндская			17	824			841	
Минская	2	7	133	3455			3597	
Могилевская		7	98	1163			1268	
Московская		1	24	523			548	
Нижегородская	1		11	740			752	
Новгородская			10	456			466	
Олонецкая			8	26			34	
Оренбургская		2	49	1527	2		1580	3
Орловская	2	17	99	1362	2		1482	
Пензенская			3				3	к
Пермская			3	222			225	
Полтавская			15	114			129	

Псковская		1	188	1133			1322	
Рязанская		2	76	171			249	
Санкт-Петербургская	3		8	1366			1377	
Саратовская	2	15	170	3509	30	4	3730	
Симбирская		2	8	2			12	
Слободско-Украинская	1						1	
Смоленская		2	149	548			699	
Тамбовская	9	9	78	885			981	
Тверская		3	27	349			379	
Тульская		2	25	41			68	
Херсонская			19	536			555	
Черниговская		4	52	531	7		594	
Эстляндская				81			81	
Ярославская	1	1	19	94	1		116	
Подольская								41
Итого	37	190	3023	36158	50	7	39465	44

[36] Приложение 2

Численность военнопленных, умерших по 15 февраля 1813 г. в 44 регионах России

Губерния	Генералы	Штаб-офицеры	Обер-офицеры	Нижние чины	Женщины	Бежало	Всего
Архангельская				150			150
Астраханская				4			4
Белостокская область							217
Виленская	1	6	235	13			255
Витебская	1	4	98	5268			5371
Владимирская							74
Вологодская			1	402			403
Волынская			2	624			626
Воронежская				673	1		674
Вятская		1	5	446			452
Екатеринославская				16			16
Казанская				120			120
Калужская			4	1135		57	1196
Киевская			6	1893			1899
Костромская			5	827			832
Курляндская							73
Курская							86
Лифляндская							105
Минская		37	57	6415			6509
Могилевская			38	3551			3589
Московская							2797
Нижегородская			1	629			630

Новгородская							1045
Олонецкая				52			52
Оренбургская							325
Орловская			36	3223			3259
Пензенская				12			12
Пермская			1	22			23
Полтавская							1
Псковская							3228
Рязанская							1031
Санкт-Петербургская				1			1
Саратовская			5	908			913
Симбирская				287			287
Слободско-Украинская							0
Смоленская		1	48	7680			7729
Тамбовская			4	397			401
Тверская			3	1643			1646
Тульская			9	3855			3864
Херсонская			1	137			138
Черниговская			17	882			899
Эстляндская							33
Ярославская			5	2204			2209
Подольская							0
Итого	2	49	581	43469	1	57	53174

[37] Приложение 3

Результаты оценочного расчета общей численности военнопленных 1812 года

Источник	Живые	Умершие	Всего
По донесениям из 45 регионов	39465	53174	92639
Санкт-Петербургская губерния	—	429	429
Виленская губерния	—	10000	10000
Гродненская губерния	1000	1900	2900
Кавказ и Грузия	1000	—	1000
Русско-немецкой легион	3000	—	3000
Орловский легион	300	—	300
Итого	44765	65503	110268

ПРИМЕЧАНИЯ¹ М. И. Кутузов: Сборник документов. М., 1955. Т. 4. Ч. 2. С. 617. №619.² Известия о военных действиях Российской армии против французов: 1812 г. СПб., 1813.³ Бутурлин Д. П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г. СПб., 1824. Т. 2. С. 342.⁴ Лависс Э., Рамбо А. История XIX в. М., 1937. Т. 2. С. 244.⁵ Тарле Е. В. Наполеон // Он же. 1812 г. М., 1959. С. 290.⁶ Kukiel M. Wojna 1812 roku. Krakow, 1937. Т. II. S. 499.

- ⁷ Урланис Б. Ц. История военных потерь. СПб., 1994. С. 275.
- ⁸ Сироткин В. Г. Наполеон и Россия. М., 2000. С. 185.
- ⁹ Любавин М. Пленные 12-го года // Нева. 1987. № 9. С. 194-196.
- ¹⁰ Пленные прибывали в Россию сухим путем и на кораблях в северные портовые города. Для жительства им определялись Вологодская, Костромская, Владимирская, Пермская и Вятская губернии (РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2658).
- ¹¹ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 656. Ч. 2. Л. 236.
- ¹² ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 530. Л. 19-20.
- ¹³ Там же. Л. 18.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 656. Ч. 2. Л. 242.
- ¹⁵ ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 530. Л. 235-237.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 656. Ч. 2. Л. 249.
- ¹⁷ ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 530. Л. 46.
- ¹⁸ Там же. Л. 74.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 656. Ч. 2. Л. 239.
- ²⁰ Там же. Л. 161.
- ²¹ Там же. Ч. 1. Л. 29-273; Ч. 2. Л. 1-140; Д. 657. Л. 6-32.
- ²² Там же. Ч. 1. Л. 216 об.-219.
- ²³ Там же. Л. 262 об.-267.
- ²⁴ Там же. Ч. 2. Л. 125 об.-126.
- ²⁵ Там же. Л. 58-79.
- ²⁶ Там же. Ч. 1, Л. 253-259; Д. 657. Л. 8.
- ²⁷ Там же. Ч. 2. Л. 96 об.-99, 100 об.-101.
- ²⁸ Там же. Л. 105.
- ²⁹ Там же. Л. 103, 104.
- ³⁰ Там же. Л. 31 об.-32, 34-44.
- ³¹ Там же. Ч. 1. Л. 160.
- ³² Там же. Д. 657. Л. 8.
- ³³ Там же. Ч. 1. Л. 99.
- ³⁴ Там же. 4.2. Л. 18.
- ³⁵ Там же. Ч. 1. Л. 148.
- ³⁶ Там же. Ч. 2. Л. 7, 10.
- ³⁷ Там же. Л. 8 об.-9, 10-12.
- ³⁸ Там же. Ч. 1. Л. 129-130.
- ³⁹ Там же. Д. 657. Л. 6.
- ⁴⁰ Там же. Д. 656. Ч. 1. Л. 237.
- ⁴¹ Там же. Д. 657. Л. 9 об.-10.
- ⁴² Там же. Л. 6.
- ⁴³ Там же. Л. 8.
- ⁴⁴ Там же. Д. 656. Ч. 1. Л. 32.
- ⁴⁵ Там же. Л. 33.
- ⁴⁶ Там же. Л. 108-109.
- ⁴⁷ Там же. Л. 264-269.
- ⁴⁸ Там же. Л. 79 об.-80.
- ⁴⁹ Там же. Л. 76, 82-83.
- ⁵⁰ Там же. 4.2. Л. 131-133.
- ⁵¹ Там же. Д. 657. Л. 129.
- ⁵² Кудринский Ф. А. Вильна в 1812 г. Вильна, 1912. С. 144.
- ⁵³ Известия о военных действиях Российской армии против французов: 1812 г. С. 309.
- ⁵⁴ РГВИА. Ф. 103. Оп. 3/209а. Д. 37. Л. 58 об.
- ⁵⁵ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 657. Л. 129.
- ⁵⁶ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2658. Л. 89.
- ⁵⁷ Там же. Л. 46.
- ⁵⁸ Там же. Л. 47.
- ⁵⁹ Фадеев А. В. К истории создания Русско-немецкого легиона в России в 1812—1813 гг. // Бессмертная эпопея: К 175-летию Отечественной войны 1812 г. и Освободительной войны 1813 г. в Германии. М., 1988. С. 203-204.
- ⁶⁰ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 656. Ч. 2. Л. 13-15.
- ⁶¹ Там же. Л. 155-1576.
- ⁶² Сироткин В. Г. Указ. соч. С. 179.
- ⁶³ ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 161. Л. 1 об.
- ⁶⁴ Там же. Л. 7, 14, 20.

⁶⁵ *Kukiel M.* Op. cit. S. 497-498.